

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ



Новое
Литературное
Обозрение

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Кто такие удобные животные?	9
Зачем нужна эта книга?	19
Глава 1. Живые антидепрессанты	31
Больше стресса, больше удобных животных	34
Животные-компаньоны в эпоху дефицита внимания	41
Искренность животных на фоне притворства людей	45
Доверие к животным в контексте обесценивания романтических связей с людьми	49
Животные в эпоху переориентации желаний	54
Компаньоны продуктивного одиночества	60
Аффективная работа трогательных животных как суррогат психотерапии	64
Животные как портативные трансфертные объекты	71
Животные как фармакологические препараты	76
Животные как телесные терапевты: потребность в тактильном этикете	79
Глава 2. Субституты детей	87
Животные-компаньоны как спутники продленного детства	90
Миниатюрные животные и родительский инстинкт	96
Невзрослеющие тела животных и бебиморфизм	99
Животные-дети в аборигенной и неолиберальной культурах	106
Петишизм: люблю, как ребенка, бросаю, как собаку	119
Жизнь животных-детей как опыт антипосольства	122
Симуляция последствий обмиления в антиутопии Теда Чана	127

Глава 3. Компаньоны в потреблении	139
Углеродный след животных-компаньонов	140
Экологическое оправдание миниатюризации	143
Гибридный статус животных как агентов потребления	145
Идея равенства людей и животных как драйвер потребления.	151
Питомец как часть расширенного «Я»	154
Последствия любви к питомцу как к самому себе	160
Животные-знаменитости	167
Животные карманного формата	178
Белый шопоголизм	180
Аутсорсинг заботы	182
Рыночная версия феминистской этики	185
Глава 4. Прекарные работники	190
Нечеловеческий труд под видом обычной жизни	193
Эксплуатация животных как меньшее зло	198
Труд животных как культурная традиция	203
Бывшие тотемы на службе людей	208
Полезные и бесполезные жизни	212
Прекарный труд	214
Животные-компаньоны как преемники репродуктивных функций женщин	220
Аффективная работа как нетрудный труд	222
Животные, которые зарабатывают	228
Монетизация быта питомцев	232
Глава 5. Транскультурные медиаторы	242
Изображения животных как посредники в освоении новых технологий	244
Фиктивный нейтралитет животных	247
Монстры-компаньоны неолиберальной культуры	252

Избирательная дикость	259
Инфантилизация фантастических тварей	265
Антропоморфные лица	270
Удобство ограниченной коммуникации	278
Токсичные эффекты тактильной визуальности	285
Глава 6. Неототемы	298
От прародителя к питомцу	300
Индивидуальный квазитотем как инструмент самопрезентации	302
Надгрупповой тотем как опора доминирующей культуры	307
Критический антропоморфизм в поисках инаковости	315
Отказ от репрезентации как признание непостижимости другого	319
Уважение к иному и коммерческий успех: возможность компромисса	326
Котокафе как пространство эмпатического непонимания	332
Практика межвидового сотрудничества и заботы в цифровой среде	335
Заключение	361
Благодарности	368
Библиография	370
Примечания	383
Список иллюстраций	392
Указатель имен	397

Памяти Вари Назаровой и Саши Стаханова

ВВЕДЕНИЕ. КТО ТАКИЕ УДОБНЫЕ ЖИВОТНЫЕ?

«К черту! Сегодня какаю дома!» — За окном невнятная зима без солнца, и йоркширский микротерьер, герой трогательного демотиватора, отказывается выходить на улицу*. Конечно, если его опекуна** вызовут в офис, йорк поедет

* Демотиватор был опубликован на страницах Tiffany's Teacup Yorkies в соцсетях 20 октября 2018 года. Исходный текст: Screw this. I'm pooping in the house today.

** Здесь и далее при описании этических взаимоотношений нечеловеческих животных и людей я стараюсь использовать слова, отвечающие стандартам уважительного отношения к другим формам жизни. Такой стандарт распространен в научных дисциплинах, занимающихся вопросами благополучия животных. Исследователи, представляющие это поле, обязаны использовать личные местоимения, такие как «он», «она», «его», «ее» или «который», вместо обезличенного *it* («оно»), характерного для традиционного упоминания животного в английском языке. Также этот стандарт рекомендует использовать такие фразы, как «нечеловеческие животные», «люди и другие животные», так как человек тоже является животным и представляет класс млекопитающих. Вместо «фермерских животных» и «лабораторных животных» — фраз, приравнивающих коров, овец и кроликов к атрибутам определенного человеческого пространства, — исследователи пользуются словосочетаниями «животные в лаборатории» и «животные на фермах», а вместо «домашнего животного» употребляют «животное-компаньон». Это правило распространяется на все слова, вызывающие неуважительные ассоциации у людей, поэтому ниже, при обсуждении внешних характеристик животных, я использую слово «лицо», а не «морда». Для определения роли людей в отношениях с животными-компаньонами уместным термином считается «опекун» (*guardian, keeper* или *caregiver*), а не «владелец» или «хозяин».

с ним, но, скорее всего, снова останется в квартире — так удобнее. Когда у человека нет времени, пес пользуется лотком для кошек и не навязывается с играми. Ароматные косточки, мячики, латексная имитация тапка — он знает, чем себя занять вместо прогулки. Кажется, йорк и его человек живут на взаимовыгодных условиях: собака создает уют и обеспечивает компанию в обмен на еду, прививки и жилье с отоплением.

Чтобы разобраться в природе этих отношений, вспомним институт эмоционально емкого труда компаньонки, распространенный до массовой эмансипации женщин, времени расширения их карьерных возможностей. Незамужние девушки благородного происхождения, но без приданого, кроткие и терпеливые, разделяли досуг дам из богатых семей, сопровождали их на прогулках и в поездках. Взамен компаньонки получали крышу над головой, одежду, достойную светского визита, и иногда пособие. Важное условие подобного союза — полный отказ финансово зависимых женщин от идеи создания собственной семьи. Стремление к автономии могло привести на улицу, а гарантии трудоустройства для женщин в XVIII–XIX веках предлагала лишь одна сфера занятости — секс-работа.

Благосклонность покровительниц покупалась покорностью. Такова бедная мисс Бригс из «Ярмарки тщеславия» — Бекки Шарп сравнивает свою бесхарактерную компаньонку с пастушьей собакой, в присутствии которой она может находиться среди мужчин, не уронив достоинства мужа. Бесприданница Соня из «Войны и мира» с детства живет в доме графа и графини Ростовых, которые взяли ее в семью после смерти родителей. Из-за своего положения Соня не имеет перспектив на брак с Николаем, наследником графа, и остается ухаживать за его престарелой матерью.

Условия такого компаньонства могут показаться вполне взаимовыгодными в сравнении с другими опциями, пока мы не спросим, кто эти условия определяет и при желании пересматривает. Что случится, если бесприданница начнет капризничать, как кошка Куприна на исходе нервных 1930-х:

Все сегодня не клеится. Гонорар в газете сбавили, кошка дуется, не понимаю отчего. Доктор запретил пить кальвадос и велел лежать. Все не клеится. Но чего кошка-то обиделась?¹

Хочется верить, что Куприн свою кошку любил бескорыстно и прощал ей любые капризы, интуитивно признавая право животного на собственные реакции, пусть и неудобные. Между тем число собак и кошек, которых оставляют в приютах сегодня, упорно возвращает нас к фигуре компаньонки, которая перестала отвечать ожиданиям покровителя. Представим себе переполненный приют для бездомных бесприданниц...

Современный рынок животных-компаньонов увеличивает сбыт и предлагает ассортимент удобных — милых, покорных, неагрессивных, легко тренируемых — зверей, не предупреждая о том, что у любого животного могут быть неудобные черты характера. Обещая покупателю питомца без недостатков, продавец делает положение животного еще более уязвимым — в отличие от бедных родственниц, собаки и кошки нередко пренебрегают негласным контрактом со своими покровителями и создают проблемы.

Животное удобно, если не «портит нервы» и умеет быть незаметным. В результате чистого везения мой беспородный кот оказался удобным без побочных эффектов — он никогда не дуется и не мстит. Наша совместная жизнь строится на взаимовыгодных условиях. Поступив в аспирантуру в Новой Зеландии, я с ужасом думаю о тех

неудобствах, которые ему предстоит пережить во время трансконтинентального перелета. В остальном можно считать, что коту повезло: уже десять лет он живет в квартире без лишних человеческих и нечеловеческих соседей, два раза в год посещает симпатичного врача, получает качественную диетическую еду и регулярные сеансы массажа по требованию. Несмотря на то что такой базовой заботы вполне достаточно, я замечаю в себе растущий интерес к товарам и сервисам, которые обещают сделать жизнь моего компаньона еще лучше. Поскольку совершенство недостижимо, я понимаю, что таким предложениям не будет конца. Уход за животным-компаньоном становится проще, может осуществляться по подписке, на аутсорсе и даже без участия людей. Ассортимент зоотоваров постоянно растет — рынок предлагает массу опций, способных смягчить чувство вины перед питомцем, который подолгу тоскует в одиночестве.

Животное удобно, если не давит на чувство вины. Когда автоматическая кормушка заправлена, фонтан для питья включен, а наполнитель в лотке всего недельной давности, у опекуна микройорка нет серьезных причин торопиться домой. Он может работать с командой до утра, сделать все возможное к дедлайну, а вечером вместе с коллегами отметить сдачу проекта. В это время собака будет обниматься с игрушкой, которая притворяется живой. Искусственное сердце плюшевого щенка с подогревом готово биться за нас 24 часа в сутки в течение двух недель без подзарядки, симулируя близость и снижая стресс социальной изоляции — тревожность, вызванную отсутствием у животного-компаньона компании. В свою очередь, если ваше сердце бьется неровно из-за долгой разлуки с питомцем, то во время перекуса можно подключиться к умной камере со встроенной лазерной указкой и поиграть с ним.

Постгуманистическое сознание входит в моду: людей, знакомых с повесткой научных дисциплин, изучающих этику взаимоотношений с животными, становится больше. Им некомфортно ставить свои желания выше благополучия компаньона. Для них очевидно, что процветание их кошки или собаки не сводится к безопасности и регулярному питанию — животному необходимо раскрыть свой специфический видовой потенциал, который проявляется, например, в охотничьем инстинкте². Вслед за развитием этики животных на фермах представление о качестве жизни питомцев радикально меняется. Прежде их благополучие подразумевало отсутствие страдания, сегодня требует наличия удовольствий и свобод. Этот аргумент провоцирует множество крайностей — от практики самовыгула в городе до собачьего тиндера. На фоне этической дискуссии о качестве жизни животных процветает рынок развивающих игрушек, фитнес-тренажеров и роботов-компаньонов, предлагая опции как для обеспеченных людей, так и для тех, кто вынужден экономить деньги. Товары, наводнившие зоомагазины и китайский онлайн-ритейл, обещают помочь питомцам реализовать свои врожденные потребности в физической и интеллектуальной активности дома, в том числе в отсутствие человека. Уходя на работу и оставляя животных дома, многие из нас испытывают чувство вины: мы хотим сделать все возможное, чтобы наш компаньон жил насыщенной жизнью. Технологии, развлекающие питомцев «на удаленке», стремятся нам в этом помочь, но, как и заводчики собак микростандарта, их дистрибьюторы забывают упомянуть о возможных побочных эффектах. Например, реклама умалчивает, что при интенсивном использовании неуловимая красная точка перевозбуждает животных, действует на нервы здоровым питомцам и может серьезно навредить животным со слабым сердцем. Иллюзия заботы,

опосредованной технологиями, привлекательна тем, что разрешает нам взаимодействовать с животным на наших условиях — тогда, когда нам удобно. В свою очередь, рынку выгодно, чтобы сертификация товаров для непродуктивных животных — то есть тех, которые никогда не окажутся на нашем столе в виде еды, — была добровольной, то есть необязательной. Это не значит, что разработчики товаров для питомцев намеренно пренебрегают их здоровьем. Вероятность нежелательных последствий не всегда очевидна производителям новых гаджетов, так как оценка их воздействия на животных требует ветеринарной экспертизы.

Животное удобно, если ежедневная забота о нем занимает меньше получаса. Думая о животных микростандарта, таких как йорк, способный жить без прогулок, я постоянно возвращаюсь к мысли о комбини* — японских круглосуточных минимаркетах, где в четыре утра можно купить свежую рубашку и носки офисных расцветок, сухой шампунь, освежающие маски для лица, готовый завтрак, банку горячего кофе и даже набор для экстренного маникюра. Покупка товаров, обеспечивающих гигиенический и энергетический минимум, входит в привычку. Такой выбор отражает новый образ жизни, связанный с постоянным преодолением непредвиденных обстоятельств. У касс комбини можно встретить знаменитостей и бездомных, владельцев авторских таунхаусов и арендаторов квартир без кухни и душа. Каждый из них знает, где лежит нужный продукт в любом из филиалов сети, сколько он стоит и каким будет на вкус. Даже турист не станет покупать суши в комбини, если есть время на ресторан, но в нужный момент покупка быстрого обеда помогает удержаться в плотном потоке

* Комбини (コンビニエンスストア) — «удобные магазины», производное от *convenience store*.

дел и сохранить энергию для решения приоритетных задач. Культура комбини максимально экономит время, которое в прошлом люди тратили на себя — на еду, гигиену, лечение, внешний вид. Компактные минимаркеты шаговой доступности создают редкие зоны комфорта, в то время как жизнь за их стенами становится все менее предсказуемой. Рабочее и даже домашнее пространство сегодня трансформируется в среду профессионального и личностного роста, то есть *контролируемого* стресса. В сверхплотных кварталах Токио именно минимаркет остается зоной минимальной тревожности, пространством, открытым в любое время и на каждом углу, безопасным, практичным, неизменным.

Удобные животные демонстрируют похожие качества и выполняют те же функции, что и минимаркеты: создают зону комфорта в условиях нехватки времени, дефицита любви и признания. Миниатюрные питомцы снимают стресс в условиях уплотнения жизненной среды — урбанизации вглубь. Благодаря экономическому подъему растут и развиваются города. В спальных районах появляются небоскребы. В стремлении быть ближе друг к другу новые многоквартирные здания уничтожают деревья, газоны, зеленые дворы. Дистанция между квартирами и парками растет. Хаски стандартного размера, скучающие по ежедневным физическим нагрузкам, разъезжаются в пригороды, уступая место своим миниатюрным версиям — помски, гибридам сибирского хаски и померанского шпица, — милым, тихим и легким в уходе собакам. Сердитые брови, унаследованные от хаски, на лице микростандарта выглядят еще более трогательными. Недавно я встретила помски на ярмарке современного искусства. Он дремал в прозрачном рюкзаке за спиной хозяйки, не подозревая, что помогает ей умножать социальный капитал. В пространстве всеобщего напряжения, набитом коммерческим искусством,

на которое многим присутствующим было стыдно смотреть, помски казался отдушиной.

Появляться с животным-компаньоном в общественных местах удобно, если она или он всем нравится. Всего десять лет назад миниатюрные животные не были такими популярными. «Как вам живется с такой собакой?» — спросила я свою соседку, опекуна японского хина (в интернете порода описана как «кошкоподобная»). «Прекрасно! Где посадила, там и сидит. Как игрушка!» Это сравнение никак не стирается из моей памяти. Сегодня собаки стандарта *toy* (мини) сменяются на *teacup* — неестественно компактные версии — и пересаживаются из дамских сумок в рюкзаки унисекс*. Микрособаки из символа праздности переходят в разряд ресурсов для поддержания высокой производительности труда. Помски, йорки, шпицы становятся портативными средствами психологической разрядки. Эта функция открывает новую нишу для монетизации животных-компаньонов и их изображений.

Животное удобно, если занимает меньше двух процентов жилой площади. Ситуация с квартирами в центре города располагает к выбору пуделя в масштабе 1:3 от стандартного размера породы. В Европе и США развивается культура миниатюрных частных домов и апартаментов для добровольно бездетных людей (чайлдфри). Растет число таунхаусов и квартир, приобретенных компаниями одиноких

* Собаки стандарта *toy* — это миниатюрные версии средних и крупных пород, вес которых не превышает семи килограммов. Маркер *toy* (от английского «игрушка») в названии стандарта подчеркивает ассоциацию с мягкими игрушками. Слово *teacup* (от английского «чайная чашка») применяется для обозначения собак, которые в два-три раза меньше особей *toy*-стандарта. Так называемые собаки «из чайной чашки» — неофициальный стандарт, не получивший одобрения ассоциациями собаководов. Иногда под лейблом *teacup* продают мелких *toy*-щенков, которые во взрослом состоянии достигают веса шесть-семь килограммов.

друзей, которые решили оставить попытки завести семьи. По всему миру строятся комплексы микростудий для молодых профессионалов. В исторические кварталы Москвы и Санкт-Петербурга вернулась традиционная для прошлого века культура коммуналок, но сегодня такой выбор доброволен и сближает людей с комфортными характерами и похожим образом жизни. Студенты и недавние выпускники, менеджеры среднего звена и работники культурных или образовательных институций мечтают поселиться в историческом центре. Не имея средств на аренду отдельной квартиры, они вынуждены снимать жилье вместе с друзьями или коллегами. В таких условиях для крупных собак нет места. Они становятся признаком роскоши, символом успешной жизни.

В этом контексте жизнерадостный веймаранер*, мой знакомый с Патриарших прудов, олицетворяет собой изобилие: возможность его опекуна жить в отдельной, относительно просторной квартире, гулять по Бульварному кольцу в разгар теперь уже круглосуточного рабочего дня или платить за продолжительный выгул тому, кому не повезло с престижным трудоустройством. Однако, чтобы

* Веймаранер (Weimaraner) — крупная порода охотничьих собак, относится к типу старонемецкой короткошерстной легавой. Исторически веймаранеры разводились в Тюрингии (восточной части современной Германии) для охоты на кабана, оленя и медведя. Отличаются красотой и изяществом, из-за серебристо-серого окраса и светло-серых глаз веймаранеров называли «серебряными призраками». В последние десятилетия порода приобрела всемирную известность благодаря работам американского художника Уильяма Вегмана, который уже более 40 лет снимает портреты своих веймаранеров в человеческой одежде. Вегман подчеркивает удобство работы с породой: охотничьи собаки хорошо держат позу, так как веками тренировались замирать, указывая на добычу. Содержание веймаранеров в городских условиях требует времени и усилий, так как им необходимы долгие прогулки и активные игры, также веймаранеры тяжело переносят одиночество.

завести крупную собаку, необходим не только высокий доход, но и многолетняя эмоциональная преданность — обязательство, которое в наиболее полной мере раскрывает неприводимое на русский язык понятие *commitment*. Такая лояльность по отношению к животному сравнима с ипотекой — настолько ощутимы затраты времени, энергии и денег на ежедневное участие в жизни крупной собаки с генами гончих, ездовых или бойцовых пород. Подобное положение дел противоречит всему, что происходит на рынке труда, включая рост конкуренции и объемов оплачиваемой работы.

Концепция серьезных отношений выходит из употребления почти во всех сферах, кроме трех смежных областей — профессиональной, творческой и сферы саморазвития. Креативная экономика превратила работу за деньги в труд по самоактуализации. Такой труд предполагает предельную вовлеченность и занимает максимум времени вне сна. Решив рабочие задачи, многие из нас переключаются на развитие профессиональных навыков, освоение культурного минимума выставок и книг, необходимого для светской беседы, поиск новых проектов и полезных контактов. Дефицит времени поощряет спрос на отношения с минимальной ответственностью. В результате в новые коммуны молодых людей, не принадлежащих самим себе, заселяются самодостаточные кошки — бенгалы и тойгеры. Их гипоаллергенные тела не тормозят процесс поиска новых жильцов, текучка которых неизбежна. Чаще соседские животные расцениваются как бонус для тех, чья жизнь слишком непредсказуема, чтобы завести своих. Те, кто привык к собакам, покупают или забирают из приютов пуделей и такс самого компактного формата из доступных. Как и носимые технологии, микроживотные становятся нормой городской жизни. В обзорах модных пород маленьких

собак по инерции называют декоративными, но это определение давно устарело: миниатюрные животные становятся средством выживания. Мобильные, ласковые, послушные и ненавязчивые компаньоны, дружелюбно настроенные к незнакомым людям, несводимы к популярным аксессуарам, сегодня они выполняют множество функций, главная из которых — *снижение стресса*.

Зачем нужна эта книга?

Этика отношения к животным-компаньонам ставит перед нами множество вопросов. Как именно стратегии выживания в большом городе влияют на рынок животных и товаров для них? Куда исчезают злые собаки? Какие функции приходят на смену историческим ролям прирученных зверей и птиц — телохранителей, охотников, перевозчиков, почтальонов? Почему *дизайнерские животные* мешают людям ценить другие формы жизни и культивировать межвидовое общение за пределами квартиры? Как скоро удобные животные надоедают своим приобретателям? Частично ответы на эти вопросы можно найти, изучая современные практики селективного отбора кошек и собак. В изменении анатомических и поведенческих характеристик породистых питомцев отражается реакция рынка на потребности и предпочтения людей. Не менее важной задачей является исследование устойчивых схем репрезентации питомцев в социальных сетях и продуктах индустрии развлечений. В этой книге я рассматриваю различные роли, навязанные животным-компаньонам в современной культуре, и пытаюсь осмыслить долгосрочные последствия их использования для удовлетворения потребностей людей с позиции современной критической теории, прежде всего философии природы, этики животных и антрозоологии.

Динамику отношений между людьми и их питомцами я предлагаю изучать на фоне растущего количества изображений животных в интернете. В стремлении преодолеть традицию разделения питомцев на реальных и виртуальных, а повседневного пространства на бытовое и фантазийное я рассматриваю живых кошек и собак во взаимосвязи с экранными персонажами, в частности с фантастическими тварями — драконами, гиппогрифами, морскими конями. Критический анализ их функций показывает, что между питомцами микростандарта и гигантскими монстрами-компаньонами из фильмов и видеоигр последних двух десятилетий больше сходств, чем различий. И те и другие формируют комфортные межвидовые сообщества и охраняют их рубежи, отвлекая нас от новостей о вымирании харизматической мегафауны — жирафов, леопардов и панд. Обещая отдых от ответственности и эмоциональную разрядку, реальные и фантастические животные функционируют как партнеры по созданию единого пространства психологического комфорта, а потому рынок животных-компаньонов и современный цифровой bestiary необходимо изучать как взаимосвязанные явления.

Первая глава книги — «Живые антидепрессанты» — исследует причины появления на рынке миниатюрных кошек и собак, которые позиционируются как *переходные* (трансфертные) объекты — живые антистрессовые игрушки. Почти шестьдесят лет назад детский психиатр Борис Левинсон опубликовал в журнале *Mental Hygiene* статью об эмоциональном эффекте от присутствия собаки на сеансах терапии. С тех пор идея *полезности* питомцев для снижения стресса нашла широкое коммерческое применение. В период экономического спада в Японии 1990-х годов владельцы котокафе монетизировали расслабляющий

эффект тактильного общения с кошками. Впоследствии появились контактные приюты и питомники других «кавайных» животных — кроликов, ежей и сов. Сегодня социализированные собаки используются как инструменты эмоциональной поддержки в офисах, университетах, аэропортах, больницах, хосписах, залах суда и тюрьмах. Кошки и собаки становятся агентами психологической разрядки, и это влияет на характер их позиционирования в соцсетях. Трогательные животные и их изображения превращаются в универсальное лекарство от любых негативных переживаний. Рост нагрузки на психическое здоровье побуждает нас заводить удобных животных дома для регулярной профилактики тревожности. Концепция *жестокое облегчение* Эллисон Пейдж позволяет увидеть, что трансформация питомцев и их изображений в антистрессовый фастфуд лишь смягчает симптомы психических расстройств, но игнорирует источник проблемы.

Глава «Субституты детей» исследует феномен *невзрослеющих* животных. Такие собаки и кошки на протяжении жизни сохраняют внешние и поведенческие черты, характерные для молодых особей. Ученые называют этот процесс «неотенизация», он является естественным эффектом селекции животных, готовых к контакту с человеком. Идея философа И-Фу Туана о прямой зависимости между детской внешностью и уровнем послушания питомцев нашла подтверждение в результатах эволюционного эксперимента по одомашниванию черно-бурых лисиц. В условиях свободного рынка тенденция к закреплению детских черт в облике и поведении взрослых животных привела к экстремальной миниатюризации тел породистых собак и кошек. Чтобы удовлетворить спрос на животных-детей, заводчики ускоряют эволюцию и без того компактных животных, скрещивая самых маленьких особей в помете.

Питомники расширяют ассортимент подобных животных, создавая гибридов крупных и карликовых пород, например минскинов, носителей генов манчкина (коротколапой кошки) и канадского сфинкса. Вес минскина во взрослом состоянии не превышает трех килограммов. Производство питомцев неофициального стандарта *teacup* делает породистых животных еще более уязвимыми — миниатюрные собаки и кошки подвержены риску серьезных повреждений из-за ушибов и падений, а также различным наследственным заболеваниям. Компактность и ранимость позволяют сравнить таких животных с маленькими детьми, что, в свою очередь, подчеркивает их потребность в повышенной заботе. Отношение к питомцам как к детям в костюмах зверей, прежде исключительное или временное явление, становится новой нормой. Концепция *петишизма* Энн Фридберг (от *pet* — «домашнее животное» — и «фетишизм») помогает приблизиться к пониманию причин этой тенденции и предлагает аргументы для этической оценки ее возможных последствий.

Глава «Компаньоны в потреблении» посвящена метаморфозам этики заботы на рынке товаров и услуг для животных-компаньонов. Ответить на вопрос, почему люди проецируют собственные представления о благополучии на животных, мне помогла теория *расширенного «Я»* Рассела Белка. Его идеи позволяют выделить признаки объективации питомцев в нашем повседневном отношении к ним и задуматься о том, что забота, выраженная в потреблении, прежде всего увеличивает производство зоотоваров, а не улучшает качество жизни животных. Свободный рынок искажает идею равенства разных форм жизни и другие тезисы постгуманистической этики, предлагая нам относиться к питомцам так же, как к людям. Эта позиция привела к беспрецедентному расширению ассортимента

необязательных товаров и сервисов. Так, проект мобильного приложения для знакомств, ориентированный на животных-компаньонов, призывает вернуть в их жизни регулярный секс, хосписы — обеспечить «человеческую» смерть, а адвокаты по опеке — наиболее комфортную среду после развода «родителей». Идея заботы о питомце как о ребенке поощряет избыточное потребление и создает риск злоупотреблений. Критический анализ доступных на рынке товаров и услуг показывает, что вместе с полезными, а также ненужными, но безобидными для животных опциями заботы нам предлагают потенциально опасные продукты и сервисы.

Глава «Прекарные работники» рассказывает о функциональной роли, которую животные-компаньоны получили в системе производства и потребления, характерной для неолиберальной культуры. С развитием медиатехнологий у людей не осталось причин относиться к питомцам как к привилегированной категории безработных сожителей, освобожденных от трудовых повинностей. Сегодня кошки, собаки и их изображения выполняют невидимый труд по снижению всеобщей тревожности. Некоторые животные продолжают выполнять общественно значимую работу. Например, обученные соколы патрулируют взлетно-посадочные полосы в поисках голубей и чаек, а раки тестируют воду на наличие токсинов в системе городского водоснабжения. В отличие от них, животные-компаньоны заняты в нерегулируемом секторе — на производстве контента для социальных медиа. Развивая идеи Николь Щукин о монетизации витальности животных в эпоху позднего капитализма, я анализирую истории питомцев глобального прекариата, занятых привлечением дополнительного дохода для своих опекунов. Чтобы собирать лайки и комментарии, которые сегодня конвертируются в спонсорские контракты,

животные-компаньоны демонстрируют свою жизнерадостность, забавные привычки и все чаще — болезненность (речь об аккаунтах животных с ограниченными возможностями, внешними дефектами или признаками геномных патологий). Хронически больные животные в ленте обеспечивают подписчикам ежедневную дозу сентиментальности, как селебрити-кот Монти, напоминающий о проблеме синдрома Дауна, или порцию смеха, как «пьяный» ши-тцу Марни, собака с нарушениями вестибулярного аппарата. Изучая эти и другие примеры, мы можем составить представление о влиянии трогательных питомцев, окруженных заботой и вниманием, на гармонизацию наших отношений с неолиберальной культурой.

Глава «Транскультурные медиаторы» рассматривает животных-компаньонов как посредников в установлении первого контакта, развитии межличностных отношений, продвижении новых идей, технологий и сервисов. Харизматичные животные вызывают доверие к любым товарам, в рекламе которых участвуют. Сегодня питомцы поддерживают вовлеченность людей в циклы непрерывной продуктивности (работы, потребления, социализации), искусно манипулируя эмоциями. Они помогают смягчить негативные переживания, умерить завышенные амбиции и подавить вспышки неудовлетворенности. Невинность, неспособность к манипуляции, верность, безобидность и другие качества, которые люди склонны приписывать животным-компаньонам, способствуют продвижению противоположных идей: толерантности и экстремизма, критического мышления и конформизма, экологической грамотности и импульсного потребления. Опираясь на идеи Джоди Берланд о посреднических функциях животных в эпоху цифровой культуры, я исследую новый тип виртуальных монстров-компаньонов, которые примиряют нас с реальностью

шестого вымирания^{*} и формируют ложные представления о потребностях диких животных в человеческом участии.

Исполняя роли детей и возлюбленных, психотерапевтов и рекламных агентов, навязанные неолиберальной культурой, животные-компаньоны, как и любые другие формы жизни, время от времени проявляют свою субъектность. В такие моменты они демонстрируют естественное стремление к автономии, непостижимые для нас поведенческие реакции и странные предпочтения. «Жизнь с питомцем можно рассматривать как упражнение в смирении, — пишет Эрика Фадж. — Мы смотрим на своих домашних животных и понимаем, что не знаем и не можем знать (и чувствовать) всего»³. Истории нетипичного поведения животных, например нежной дружбы котов с собаками, птицами или рыбами и другие случаи межвидовой солидарности «природных врагов», встречаются нам в социальных сетях. Другие примеры — в материалах новостных агентств, которые рассказывают об ушедших «в отрыв» чихуахуа и минипигах. Третьи, наиболее редкие и ценные образы, появляются в текстах философов и писателей, внимательно наблюдающих за своими компаньонами. В таких историях удобные животные исполняют роли *неототемов*, как назвал их Доминик Петтман. Некоторые из этих животных реальны, как коты Александра Гениса, другие вымышлены, как

* Шестое, или голоценовое, вымирание — это процесс массового исчезновения животных и растений на протяжении последних двухсот тысяч лет в связи с возникновением и деятельностью человека. Шестое вымирание характеризуется исчезновением мегафауны, наземных животных весом от 45 кг, а также деградацией биологически разнообразных экосистем, таких как коралловые рифы и тропические леса. Элизабет Колберт подробно анализирует этот процесс в книге «Шестое вымирание. Неестественная история». Голоценовое вымирание называют шестым, поскольку по масштабу оно сопоставимо с пятью крупнейшими вымираниями живых организмов в истории Земли.

постапокалиптические питомцы Линор Горалик, заговорившие по-человечески на страницах романа «Все, способные дышать дыхание». Глава «Неототемы» рассказывает о способности удобных животных к импровизации и предлагает увидеть в них наставников в сопротивлении негативным эффектам неолиберального режима.

Говоря о неолиберализме в контексте отношения к животным-компаньонам, я ориентируюсь на исследование культуролога Джули Энн Уилсон, которая рассматривает тревожность, неуверенность, неравенство и другие эксцессы этой идеологии как следствие изменения ценностей индивидуализма. Вместо частной собственности, личных прав и свобод — идеалов либерализма — приоритетом нового человека становится профессиональное признание. «Неолиберальные индивиды — это личности, которые думают о себе и относятся к себе как к инвестиционному проекту, постоянно работают над тем, чтобы повышать собственную ценность с течением времени, — пишет Уилсон. — Как человеческий капитал, личность всегда имеет перспективы для развития, экспансии, максимизации и оптимизации»⁴. Императив саморазвития побуждает людей оценивать любые отношения, не связанные напрямую с приобретением конкурентных преимуществ на рынке человеческих ресурсов, как второстепенные. А это значит, что резерв времени и энергии, которые можно потратить на заботу о животных-компаньонах, сегодня расходуется на работу.

С неолиберализмом тесно связана концепция *самозамкнутого индивидуализма*. Социолог Аналуиз Китинг ввела этот термин, чтобы разграничить неолиберальный эгоцентризм и более позитивные проявления индивидуализма — агентность, автономию и свободу воли⁵. Самозамкнутый индивидуалист проводит четкую границу между собой и другими, полагается только на себя, а окружающих

воспринимает исключительно как препятствие (конкурентов и неудачников) или ресурс для продвижения (потенциальных инвесторов, менторов, экспертов)⁶. В этой парадигме любой человек, животное, событие или действие оцениваются по критерию *полезности*.

Продуктивность животных-компаньонов в эпоху неолиберализма реализуется в поле *аффективной работы*. Философы Майкл Хардт и Антонио Негри определили эту форму труда как деятельность по производству и манипуляции аффектами⁷ — психофизиологическими реакциями организма на внешние стимулы. Мобилизация харизматичных животных-компаньонов для психологической поддержки людей эксплуатирует их способность провоцировать позитивные аффекты — приятные нам эмоциональные переживания и соответствующие им физиологические изменения, включая синтез гормонов доверия и привязанности. В этом контексте жизнерадостность, просоциальное поведение, трогательная внешность и другие качества удобных животных приобретают рыночную стоимость. Стремление усилить эти черты задает соответствующие критерии селекции кошек, собак и других животных, предрасположенных к приручению.

В связи с антистрессовым потенциалом удобных животных в книге упоминается *эстетика каваяи*. Сегодня она служит ориентиром для создания и репрезентации множества трогательных товаров, сервисов и персонажей. Применение такой эстетики в дизайне и репрезентации живых и цифровых животных-компаньонов я называю *обмилением*. Для понимания эффекта каваяи необходимо подчеркнуть неоднозначность этого феномена: производство уютных, округлых, нежных и компактных каваяйных персонажей включает позиционирование их в качестве уязвимых, инфантильных, зависимых, безобидных и иногда

невежественных. Многие из этих характеристик провоцируют асимметричные отношения покровительства и подчинения и исторически используются в патриархальных культурах для репрезентации женского идеала. Культивация таких черт отражает традицию сексуальной объективации, а потому в критической теории рассматривается как практика создания ситуаций неравенства⁸. Исследование возможных негативных последствий асимметричных отношений между людьми и трогательными животными имеет важное значение для развития этики взаимодействия с ними.

Переходя к анализу функций удобных животных, я хочу подчеркнуть, что каждые отношения индивидуальны. Так, трогательный аксолотль, которого подарили моей знакомой, не справлялся с задачей снижения стресса, потому что пугал ее своим пристальным взглядом, а Лёля, в прошлом уличная собака моих соседей, не смогла работать медиатором социального взаимодействия, так как не умеет скрывать *дикий* восторг при виде людей. Исследование, представленное в этой книге, не является попыткой свести многообразие отношений между людьми и их животными к нескольким категориям, но стремится создать карту актуальных тенденций, которые с разной степенью интенсивности влияют на повседневную жизнь наших компаньонов. Сегодня эти тенденции развиваются в рамках ценностей неолиберальной культуры, среди которых — индивидуализм, свобода и разнообразие потребительского выбора, гибкость обязательств и социальных институтов. В будущем факторы, определяющие положение животных в мире людей, будут другими. Неизменное значение сохранит лишь привычка задавать открытые вопросы, рассуждая о природе наших взаимоотношений с кошками, собаками и другими нечеловеческими агентами — своими и чужими, молодыми

и взрослыми, харизматичными и непримечательными. Такую привычку я и предлагаю приобрести, начав с этической оценки того, как мы представляем своих животных в социальных медиа.

На страницах этой книги время от времени появляется мой кот, животные знакомых и незнакомых мне людей. Это происходит не потому, что они — самый доступный материал для обсуждения, а потому, что я верю в ценность *автоэтнографии* и *ситуационного знания* и учусь видеть материал для этического анализа в повседневной жизни*.

В контрасте с этими сюжетами выступают антропологические и социологические исследования различных аспектов взаимодействия с животными в Великобритании, США, Израиле, Японии и других странах мира. Авторы этих проектов изучают явления, ставшие результатом глобализации — столкновения неолиберальных идей и ценностей с локальными культурами и экономикой.

Некоторые векторы социокультурных трансформаций описаны в книге схематично, так как их анализ не является приоритетной задачей этого исследования. Также на страницах «Рынка» я в основном анализирую негативные тенденции, но это не значит, что они не встречаются

* Автоэтнография — метод качественного исследования, предполагающий описание и анализ собственного опыта (auto) в контексте общих культурных, социальных и политических реалий. Цель его применения — интерпретация современной автору текстовой и визуальной культуры, нравов и практик (ethno). Под ситуационным знанием я имею в виду концепцию, которую Донна Харауэй сформулировала в рамках феминистской критики идеала объективности в науке. Настаивая на ценности мнения конкретного познающего субъекта, Харауэй подчеркивала, что восприятие субъективно, оно отражает географический и исторический контекст. Это значит, что условия, под влиянием которых находится исследователь, непрерывно структурируют и преобразуют ее или его видение.

сопротивления в виде инициатив зооактивистов и всех тех, кто равнодушен к страданиям животных. Тем не менее в рамках экономики внимания, ориентированной на позитивные аффекты, их голоса звучат слабо и нуждаются в нашей поддержке.

Признаки каждой из упомянутых в книге тенденций заметны в России, так как рынок животных-компаньонов и современные виртуальные зверинцы являются компонентами транснациональной системы производства и потребления. Приводя примеры из жизни американских собак, я не утверждаю, что в нашей стране войдут в моду костюмированные пасхальные вечеринки с питомцами, но уверена, что знание о том, как меняется жизнь животных и их людей в Европе, Америке и Азии, поможет нам сформировать адекватные представления о значении межвидовой дружбы и избежать многих ошибок в репрезентации своих компаньонов.